Роман Сенчин

Перед снегом

Часть сборника
Иджим (сборник)

Роман Валерьевич Сенчин
Перед снегом

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2685685
Роман Сенчин «Иджим»: ЭКСМО; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-41760-5

Аннотация

«Весь сентябрь и первую неделю октября стояла необыкновенная для этих мест, удивительная теплынь. Казалось, зимы не будет. Зацвела по второму разу смородина, взошло новое поколение лебеды и крапивы; отжившие было, засохшие огуречные плети и те вдруг выбросили свежие побеги, зажелтели цветочками. Девятого октября наконец-то подул с Саян, с уже белых, но далеких отсюда, еле различимых взглядом вершин, пахнущий снегом ветер, но снова обманула природа. Наверно, слишком быстро гнал ветер тучи, не дал им разродиться над этим селом, увел куда-то на юг, в степи. А здесь опять голубое, словно бы летнее, небо, солнце слепит глаза, чирикают воробьи – внеочередная весна продолжается. Только вот в воздухе нет больше жизни. Знаменитая хрустальность сковала его, каждый звук сопровождается еле уловимым перезвоном, предметы видятся до странности четко, выпукло. И, значит, скоро уже нагрянет мороз, вытравит аромат перезрелых трав, земляного пара, запах киснущих озерных водорослей.

Превратится хрустальность в толстое ледяное стекло. Зима, зима-то будет, но вот поспеет ли снег…»

Роман Сенчин
Перед снегом

Весь сентябрь и первую неделю октября стояла необыкновенная для этих мест, удивительная теплынь. Ребятня и молодежь загорали, даже плескались в озере, взрослые торопились докончить до зимы неотложные, неубывающие дела, а всякое повидавшие на своем веку старухи, собравшись на скамейке возле чьих-нибудь ворот, вяло, с привычной тревогой пророчили: «Не к добру это, о-ох, не к добру. Страшной зимы надо ждать…»

Но, казалось, зимы не будет. Зацвела по второму разу смородина, взошло новое поколение лебеды и крапивы; отжившие было, засохшие огуречные плети и те вдруг выбросили свежие побеги, зажелтели цветочками.

Удивительно.

И все же в этой непредусмотренной, второй за год, весне угадывалась худосочность, какая-то пародийность на весну настоящую. Дни, хоть и теплые, становились все короче, земле не хватало соков питать растения. Люди тоже устали и, радуясь новому погожему утру, хватаясь за работу, в душе ждали мороза и снега, что закроет собой недоделки, убелит грязь, даст передышку.

Девятого октября наконец-то подул с Саян, с уже белых, но далеких отсюда, еле различимых взглядом вершин, пах-

нущий снегом ветер; солнце то и дело заслонялось летящими тяжелыми тучами, их становилось все больше, и вот они закрыли солнце совсем, не пропуская к земле горячие пики лучей, окрашивая мир коричневато-серым…

Люди заторопились, забегали по дворам, собирая какие-то тряпки, пряча под навесы ящики, доски, ведра, всякую мелочовку; докапывали на огородах чеснок и морковь, рубили капусту. Казалось, вот-вот тучи прорвутся и обрушится снег.

Но снова обманула природа. Наверно, слишком быстро гнал ветер тучи, не дал им разродиться над этим селом, увел куда-то на юг, в степи. А здесь опять голубое, словно бы летнее, небо, солнце слепит глаза, чирикают воробьи – внеочередная весна продолжается. Только вот в воздухе нет больше жизни. Знаменитая хрустальность сковала его, каждый звук сопровождается еле уловимым перезвоном, предметы видятся до странности четко, выпукло. И, значит, скоро уже нагрянет мороз, вытравит аромат перезрелых трав, земляного пара, запах киснущих озерных водорослей. Превратится хрустальность в толстое ледяное стекло.

Зима, зима-то будет, но вот поспеет ли снег… Опытные хозяева забеспокоились, – стали пригибать к земле и укрывать сеном ветви садовой малины, обматывать мешковиной плодовые деревца, прятать под сеном же (листвы-то, как назло, до сих пор не нападало) клубнику – «викторию». Так бы закрыл, одновременно закалив и согрев, снег, но если мороз

без снега – могут вполне повымерзнуть культурные, невыносливые растения. А под защитой, может, и обойдется…

Еще во сне, лежа под толстым верблюжьим одеялом, Виктор Борисович понял, что – случилось – зима схватила землю, сжала, добила полумертвые травы, истребила разную насекомую живность, какая не схоронилась в надежных норках и щелках. Кончилась удивительная, незапланированная теплынь, теперь же будет новая, не летняя жизнь.

Вставать не хотелось, при каждом движении под одеяло втекала колючая стылость, прижигала, пускала по коже стайку мурашек.

Виктор Борисович кутался, прятал себя в нагретый мирок, на какое-то время задремывал, но вспоминалось о делах, и он снова шевелился, готовясь подняться… Наконец собрался с духом, сел на кровати, нашел взглядом будильник.

Половина восьмого. Охо! На полтора часа позже летнего распорядка. Сам организм, кажется, в одну ночь перестроился, понял, что теперь спешить особенно некуда. Можно слегка расслабиться…

– Что там? Как? – всполошилась разбуженная скрипом кроватной сетки жена.

Виктор Борисович успокоил:

– Лежи, лежи, все нормально.

– У-ух, а колотун-то какой! – Она поежилась всем телом: – Бр-р-р!

– Дождали-ись. – Виктор Борисович почувствовал, что сказал это двусмысленно – и как бы расстроенно, и удовлетворенно.

Оделся в домашнее, потом достал из шифоньера лохматый, плотной вязки свитер; вместо резиновых бот, в которых ходил летом, обул ботинки. Снял бушлат с вешалки, на голову натянул выцветшую от стирок и пота спортивную шапочку.

– Ты лежи пока, – велел жене, – чего зря морозиться… Сейчас печечку раскочегарю.

Включил плитку, посмотрел, как закраснели круги спирали, поставил чайник. Вышел на улицу.

Сперва показалось, что вместе с морозом подоспел ночью и снег. Нет, это всего лишь иней такой. Густо облепил траву, доски, бревна, шифер на крышах. Переливается синеватыми, алыми, золотистыми точками в косых лучах солнца. Жутковатая, бездыханная красота. И недолговечная – сейчас солнце поднимется чуть выше, соберется с силами, растопит, слижет ее без остатка, эту красоту. Нет, кое-что все же останется. Убитая, пожухлая трава, почерневшие листья приозерных ив, останется запах зимы.

Виктор Борисович постоял на крыльце, невольно любуясь изменившимся миром, вдыхая чистый, бодрящий, щекочущий ноздри морозцем воздух.

Старый, полуседой Шайтан, услышав хозяина, вылез из будки, заскрипела жалобно цепь. Потянулся, расправляя за-

текшее тело, встряхнулся, словно бы после купания.

– Что, брат, холодно? – спросил Виктор Борисович и тут же успокоил: – Ничего, супчику сейчас тебе сварганю, согреешься.

Пошел по двору, заметил кадку под стоком крыши… Поставил ее сюда с месяц назад, когда лили дожди, чтоб набралась водой, замокла, – сильно рассохлась она за лето, даже обручи не держались, – а сейчас того и гляди разорвет ее льдом.

Ткнул костяшками пальцев в стеклянисто-белесый блин на поверхности, тот, хрустнув краями, нырнул, выпустил на поверхность черноватую воду. Ничего, значит, не сильно приморозило. Но все-таки надо слить воду, – завтра может и всерьез прихватить. Это уже не шутки.

Первым делом растопил печь в летней кухне, поставил на нее бак, кастрюли. Принес в избу охапку дров, растопил и там.

И очень быстро, с готовностью, воздух ожил, задвигался, превращаясь из стылого в теплый и мягкий. Теплый, крепчая, давил холодный ниже, ниже, и, только б в печке работа не утихала, в конце концов размажет по полу, отыщет в самых потаенных углах.

Встала жена, умылась под рукомойником, накрыла на стол к чаю.

– Вот и лето кончилось, – вздохнула, глядя в окно.

Виктор Борисович хлебнул крепкого, до вяжущей оско-

минки в горле, чуть подслащенного чая, бодро ответил:

– Ну, оно неплохое нынче выдалось. Грех жаловаться.

– Да-а…

Этим летом гостили у них и сын, и дочь со своими половинами и ребятишками. Семья сына пробыла почти весь июль, а семья дочери в конце июля – начале августа две с лишним недели. Несколько дней удалось и всем вместе пожить. Девять человек в общей сложности, за столом сидели впритык, не повернуться; дочь с мужем на вышке ночевали, где сеновал. Зато – самые лучшие дни, самые светлые, если всякие малоприятные мелочи не вспоминать… И по хозяйству молодые помогли очень – на грядках ни травинки лишней, помидоры, огурцы подвязаны, «виктория» обобрана, усы срезаны. Но и увезли с собой огородного добра вдоволь, по лесу пошуровали, по полянам, набрали и жимолости, и грибов, и дикой клубники, а она ни в какое сравнение с садовой не идет – меленькая, вроде полузасохшая, зато варенье – от одного аромата сладко становится.

В прошлом году лишь сын в одиночку на неделю заскакивал, дела у всех были, а нынче – вот, полная чаша. И хорошо, и можно еще теперь жить, вспоминая и ожидая, готовясь к новому такому же лету.

Виктор Борисович поставил пустую чашку на стол, поднялся:

– Н-ну, пойду, однако, меньшим братьям налаживать. Хлебца Шайтану выделишь?

Жена отрезала от буханки ломоть, подсказала:

– Там жир-то старый не забудь бросить. А то и так сколько лежит.

– Угу, угу, хорошо, что напомнила!

Еще в мае купили по дешевке три литра комбижира, но сами на нем готовить не смогли – будто пластмасса расплавленная, – добавляют теперь в собачье варево. Собака ведь на одном хлебе да дробленке не протянет.

Вдавив красную кнопочку, стал крутить валик настройки, выискивая «Радио России». Вместо него лишь треск, писк, ни «России», ни какой другой станции.

– Да я уж пробовала, – говорит жена. – Опять, что ли, ретранслятор отключили… Садись, не мучайся.

Виктор Борисович снова нажал на кнопку радиолы, та выскочила, треск смолк.

В соседней комнате телевизор – громоздкий фанерный «Рубин», но он сломался. Лампа, наверно, перегорела какая-нибудь. Сделали запись в журнале вызова мастеров, что висит в магазине, уже месяца два назад. Пока глухо, даже слухов нет, что собирается телемастер в их село. Да и собирается ли вообще… Информацию, как там, в большом мире, получают из районной газеты «Надежда». Приносят ее два раза в неделю, когда бывает почтовая машина из города, сразу по три номера…

На столе гречневая каша, сдобренная куриным кубиком

«Магги», соленые огурцы, сметана, несколько вчерашних пирожков с луком, яйцами. Едят не спеша, основательно, чтоб подольше голод не отвлекал от дел, не мешал.

– Ты как с капустой-то думаешь? – подает голос Виктор Борисович. – Будешь солить? Я тогда воду из кадки солью. Ее так и так надо освободить, а то дождемся – лопнет ото льда.

– Собираюсь, конечно, собираюсь, – отвечает жена, – тянуть некуда. Как раз и день сегодня свободный.

Они на пенсии. Виктору Борисовичу Чащеву шестьдесят три, его жене пятьдесят девять. Оба родом орловские, познакомились в Орловском культпросветучилище; Чащев учился на отделении духовых инструментов по классу трубы, а Елена, его будущая супруга, на театральном.

В шестьдесят втором году, окончив училище, поженившись, уехали на тогда еще неокультуренную, необжитую целину. Родные с обеих сторон особо не отговаривали – с жильем было неважно, на отдельную квартиру в скором времени рассчитывать не приходилось, да и не принято было тогда отговаривать – сотни тысяч молодых людей срывались с мест и ехали строить свои города в Сибирь, на Север, в Забайкалье, на целину… За тридцать лет пожили и поработали Чащевы в Петропавловске, Целинограде, Кокчетаве. Виктор Борисович в оркестрах играл, руководил самодеятельным ансамблем, Домами культуры, клубами, жена его организовывала массовые мероприятия, праздники, вела теат-

ральные студии и кружки.

Декабрь девяносто первого застал их в Павлодаре, где они собирались, выйдя на пенсию, спокойно доживать свои дни. Но вдруг Казахстан сделался самостоятельным государством, с таможнями на границах, своей валютой, своим президентом. С юга покатились волны коренного народа, а русские потихоньку подались на север, в омские, челябинские, красноярские земли, на Алтай. Оставшиеся оптимистически поговаривали, что вот-вот северные области отделятся, потому что они почти, дескать, и не Казахстан, а скорее Россия; мужчины вступали в казачьи сотни, митинговали. Некоторых из них арестовывали, судили как заговорщиков-экстремистов, разжигателей розни.

Неуютно и тревожно, зыбко стало на новой родине (да нет, какой новой? – тридцать лет ведь здесь прожили), и в конце концов Чащевы решили перебраться в Россию. Сын и дочь уже давно там устроились, еще с институтов, – сын в Томске, дочь в Екатеринбурге. А Россия-то, вот она, в двух сотнях километров от Павлодара… Со своими орловскими родственниками Виктор Борисович и его жена отношения давно не поддерживали, да и привыкли к Сибири; стали выбирать место неподалеку, куда переехать.

В июне девяносто третьего Виктор Борисович попал под сокращение (закрыли тот Дом культуры, которым руководил) и, получив свободу, правда, нерадостную, с кое-какими деньгами отправился в Красноярский край. Нашел в од-

ном сельце подходящий домишко, большой участок земли при нем, а через месяц привез сюда жену, пригнал пульман с необходимыми вещами. Часть мебели, квартиру и дачку удалось неплохо продать; на эти деньги отремонтировали избу, стайки, переделали баню, поставили новый, надежный забор.

Этот переезд совпал с подступившей старостью, и, хоть еще есть силенки, но немощь не за горами. Успокаивает сознание, что осели они здесь накрепко, надежно, есть хозяйство, ухоженная земля, пенсия. Пришлось, конечно, побегать, оформляя бумаги, пришлось показать свою твердость, утверждаясь, – даже с вилами в руках по ночам во дворе дежурить, приучая местное деревенское ворье, что получат отпор.

Появились знакомые и приятели, жена поработала в школе, вела уроки музыки и рисования, а теперь бесплатно, по собственной инициативе, руководит театральным кружком и даже грамоты на районных смотрах получает; две девочки из кружка в этом году в училище искусств поступили. Виктор Борисович перед пенсией три года был директором местного клуба, наладил его работу (до того в клубе только кино крутили да танцы устраивали по субботам), собрал самодеятельный хор, с городским театром договорился, чтоб со спектаклями приезжали, для библиотеки новые книги закупил. Но вышел на пенсию, с работы уволился, и снова клуб бо€льшую часть времени на замке. Управляющий – так сказать, начальник села, – предлагал вернуться, только, сам чув-

ствует Виктор Борисович, нет у него прежней энергии, кончилось что-то в нем; теперь он вообще с неохотой выходит за ворота, предпочитая копаться в огороде, ухаживать за животиной.

Семь лет как они здесь. Переняли местную речь, научились многому, чего не умели в своей прежней городской жизни, и уже почти не вспоминают о прошлом, занятые повседневными делами, проблемами, хозяйством.

– Может, слушай, курицу тяпнем? – спрашивает-предлагает Виктор Борисович. – Ну, ту, которая нестись перестала. Чего зря кормить? И мяса что-то давно не ели…

Все лето мясо им заменяли караси, которыми полно озеро. Виктор Борисович чуть не каждое утро ходил рыбачить, приносил по два-три десяточка. И жарили их, и уху варили, пироги жена рыбные стряпала. Но последнее время, как обычно осенью, клев стал неважный. И вспомнилось мясо.

– Давай, чего ждать, – легко согласилась жена, – все равно ведь придется.

– Да, морозы установятся, будет мне работенки…

У Чащева намечено на убой штук сорок кроликов, с десяток кур, семь пятимесячных петушков, еще и свинья томится в тесной клетушке, того и гляди стены обрушит своими заплывшими жиром боками.

– Н-ну-у, – по привычке выдыхает Виктор Борисович, поднимаясь из-за стола. – Спасибо, Елена Петровна, за зав-

трачек!

Целует ее в щеку и идет к печке курить и пить чай. Жена убирает посуду.

– Что на обед сварить, – советуется, – щи или гороховый суп?

– Да я и то и то с удовольствием, – Чащев пожимает плечами. – Можно гороховый, он посытнее как-то.

– Ладно, а на ужин тогда курицу с картошкой. Заруби, я ощиплю.

– Ладно.

– И в магазин бы надо сходить. Сегодня хлеб привезут, а у нас две буханки всего осталось. Соль еще… Сходишь? А я капустой займусь.

– Схожу, – без особой охоты говорит Виктор Борисович, глядя в приоткрытую дверцу топки на тающие угольки прогоревших дров.

Начало десятого. Заметно потеплело, но солнце заслонено жиденькой хмарью. Да и нежелательна теперь ясная погода: при прояснении холодней будет ночь. Пусть лучше пасмурность, тучи, снег. Пора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.